

сила богатырская, моё дело – Руси служить, от врагов оборонять.

Стали просить Илью черниговцы хоть денёк у них перебыть, попить на весёлом пиру, а Илья и от этого отказывается:

– Некогда мне, люди добрые. На Руси от врагов стон стоит, надо мне скорее к князю добираться, за дело браться. Дайте вы мне на дорогу хлеба да ключевой воды и покажите дорогу прямую к Киеву.

Задумались черниговцы, запечалились:

– Эх, Илья Муромец, прямая дорога к Киеву травой заросла, тридцать лет по ней никто не ездил...

– Что такое?

– Засел там у речки Смородиной Соловей-разбойник, сын Рахманович. Он сидит на трёх дубах, на девяти суках. Как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному – все леса к земле клонятся, цветы осыпаются, травы сохнут, а люди да лошади мёртвыми падают. Поезжай ты, Илья, дорогой окольной. Правда, прямо до Киева триста вёрст, а окольной дорогой – целая тысяча.

Помолчал Илья Муромец, а потом и головой тряхнул:

– Не честь, не хвала мне, молодцу, ехать дорогой окольной, позволять Соловью-разбойнику мешать людям к Киеву путь держать. Я поеду дорогой прямой, неезженной!

Вскочил Илья на коня, хлестнул Бурушку плёткой да и был таков, только его черниговцы и видели!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

качет Илья Муромец во всю конскую прыть. Бурушка-Косматушка с горы на гору перескакивает, реки-озёра перепрыгивает, холмы перелетает.

Доскакали они до Брянских лесов, дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет.

Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвёт, настиляет через болото настилы дубовые. Тридцать вёрст Илья гати настелил – до сих пор по ней люди добрые ездят.

Так дошёл Илья до речки Смородиной. Течёт река широкая, бурливая, с камня на камень перекатывается.

Заржал Бурушка, взвился выше тёмного леса и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекой Соловей-разбойник на трёх дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни гад не проползёт. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется.

Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

– Что за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не даёт Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал.

А Илья в седле сидит, не шевельнётся, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плётку шелковую, ударил коня по крутым бокам:

– Травяной ты мешок, не богатырский конь! Не слышал ты разве писку птичьего, шипу гадючьего?! Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение!

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду. Удивился Соловей-разбойник, из гнезда высунулся. А Илья, минуточки не мешкая, натянул тугой лук, спустил калёную стрелу, небольшую стрелу, весом в целый пуд.

Взвыла тетива, полетела стрела, угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяный сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремени.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

– Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал?

– Ох, попал я в крепкие руки, видно, не бывать мне больше на волюшке.

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и наскочил на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты белокаменные, как жар горят крылечки золочёные.

Увидала дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

– Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везёт у стремени мужичишку-деревенщину!

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

– Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везёт вашего батюшку – Соловья Рахмановича!

Выбежала старшая дочь Соловья – Пелька – во двор, ухватила доску железную весом в девяносто пудов и метнула её в Илью Муромца. Но Илья ловок да увёртлив был, отмахнул доску богатырской рукой, полетела доска обратно, попала в Пельку, убила её до смерти.

Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

– Ты возьми у нас, богатырь, серебра, золота, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатырский конь, отпусти только нашего батюшку, Соловья Рахмановича!

Говорит ей Илья в ответ:

– Мне подарков неправедных не надобно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русской, нажиты нуждой крестьянской! Как в руках разбойник – он всегда тебе друг, а отпустишь – снова с ним наплачешься. Я свезу Соловья в Киев-город, там на квас пропью, на калачи проем!

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелохнётся.

Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точёному, оставил с конём Соловья-разбойника, а сам пошёл в светлую горницу.

Там у князя Владимира пир идёт, за столами сидят богатыри русские. Вошёл Илья, поклонился, стал у порога:

– Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией, принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

– Ты откуда, добрый молодец, как тебя зовут? Какого роду-племени?

– Зовут меня Ильёй. Я из-под Мурома. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямоезжей.

Тут как вскочит из-за стола Алёшка Попович:

– Князь Владимир, ласковое наше солнышко, в глаза мужик над тобой насмехается, завирается. Нельзя ехать дорогой прямой из Чернигова. Там уж тридцать лет сидит Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Гони, князь, нахала-деревенщину из дворца долой!

Не взглянул Илья на Алёшку Поповича, поклонился князю Владимиру:

– Я привёз тебе, князь, Соловья-разбойника, он на твоём дворе, у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгинею и все богатыри, поспешили за Ильёй на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке.

А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Левым глазом он глядит на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

– Ну-ка, засвищи по-соловьиному, зарычи по-звериному.

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

– Не ты меня с бою брал, не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

– Прикажи ты ему, Илья Иванович.

– Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, а закрою я тебя с княгинею полами моего кафтана крестьян-

ского, а то как бы беды не было! А ты, Соловей Рахманович, делай, что тебе приказано!

– Не могу я свистеть, у меня во рту запеклось.

– Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью мёду хмельного, закусить дайте калачом крупитчатым, тогда он засвищет, потешит нас...

Напоили Соловья, накормили; приготовился он свистать.

– Ты смотри, Соловей, – говорит Илья, – ты не смей свистеть во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-град, захотел убить князя с княгиней, всех русских богатырей. Засвистел он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь. Что тут случилось!

Маковки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, стёкла в горницах полопались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

– Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты сколько бед натворил! Ну, теперь я с тобой за всё рассчитаюсь! Полно тебе слезить отцов-матерей, полно вдовить молодухек, сиротить детей, полно разбойничать!

Взял Илья саблю острую, отрубил Соловью голову.

– Спасибо тебе, Илья Муромец, – говорит Владимир-князь. – Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырём, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве, век живи, отныне и до смерти.

И пошли они пир пировать.

Князь Владимир посадил Илью около себя, около себя против княгинюшки.

Алёше Поповичу обидно стало; схватил Алёша со стола булатный нож и метнул его в Илью Муромца. На лету поймал Илья острый нож и воткнул его в дубовый стол. На Алёшу он и глазом не взглянул.

Подошёл к Илье вежливый Добрынюшка:

– Славный богатырь Илья Иванович, будешь ты у нас в дружине старшим. Ты возьми меня и Алёшу Поповича в товарищи. Будешь ты у нас за старшего, а я и Алёша за младшеньких.

Тут Алёша распалился, на ноги вскочил:

– Ты в уме ли, Добрынюшка? Сам ты роду боярского, я из старого роду поповского, а его никто не знает, не ведает, принесло его невесть откудова, а чудит у нас в Киеве, хвастает.

Был тут славный богатырь Самсон Самойлович. Подошёл он к Илье и говорит ему:

– Ты, Илья Иванович, на Алёшку не гневайся, роду он поповского хвастливого, лучше всех бранится, лучше хвастает.

Тут Алёша криком закричал:

– Да что же это делается? Кого русские богатыри старшим выбрали? Деревенщину лесную неумытую!

Тут Самсон Самойлович слово вымолвил:

– Много ты шумишь, Алёшенька, и неумные речи говоришь, – деревенским людом Русь кормится. Да и не по роду-племени слава идёт, а по богатырским делам да подвигам. За дела и слава Илюшеньке!

А Алёша как щенок на тура гавкает:

– Много ли он славы добудет, на весёлых пирах меда попиваючи!

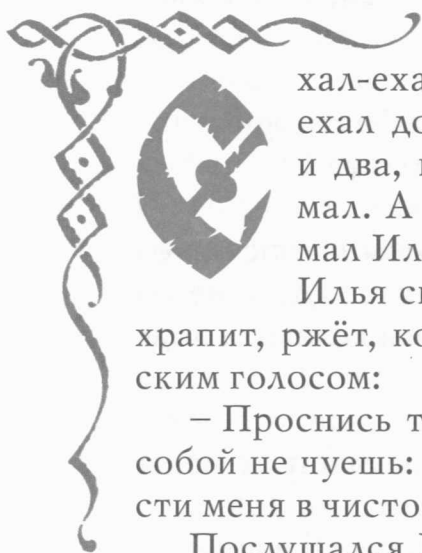
Не стерпел Илья, вскочил на ноги:

– Верное слово молвил поповский сын – не годится богатырю на пиру сидеть, живот растить. Отпусти меня, князь, в широкие степи, поглядеть, не рыщет ли враг по родной Руси, не залегли ли где разбойники.

И вышел Илья из гридни вон.

КАК ИЛЬЯ ОТ СВЯТОГОРА МЕЧ ПОЛУЧИЛ

хал-ехал Илья из Мурома по русской степи и до-ехал до Святых гор. Бродил по утёсам и день и два, приустал, раскинул шатёр, лёг и задремал. А богатырский сон не час тянется, – дремал Илья девять дней! На десятый день слышит Илья сквозь сон, что его Бурушка-Косматушка храпит, ржёт, копытом землю бьёт и говорит человеческим голосом:

– Проснись ты, Илья Иванович, спишь ты, беды над собой не чувствуешь: едет к шатру Святогор-богатырь! Отпусти меня в чистое поле, а сам полезай на высокий дуб!

Послушался Илья, отвязал коня, а сам влез на высокий дуб, в ветвях спрятался.

Видит – едет богатырь выше леса стоячего, головой упирается в облако, за плечами хрустальный ларец везёт.

Слез Святогор с коня, отпер золотым ключом хрустальный ларец.

Вышла из ларца красавица, Святогорова жена. По горам от её ясного лица заря разлилась. Расстелила она скатерти белые, разложила кушанья, расставила мёд да брагу, стали они есть-пить.

Илья на дубу сидит, шелохнуться боится.

Поел-попил Святогор и лёг отдыхать.

А красавица вынула зеркальце и стала свои косы расчёсывать. Увидала она в зеркальце, как Илья на дубу сидит. Поманила его к себе, расспросила шёпотом. Жалко ей стало Илью Муромца.

– Грозен Святогор-богатырь; как бы с тобой, Илья, беды не вышло. Дай-ка я спрячу тебя до поры до времени.

Взяла она Илью и спрятала вместе с Бурушкой-Косматушкой к Святогору в карман.

А Святогор проснулся, стал коня седлать.

– Не поеду с тобой, мой милый муж, – говорит ему красавица. – Надоело мне в ларце сидеть. Ступай погуляй по горам, а я здесь отдохну.

Ну, Святогор и поехал один.

Едет он день-другой, возит Илью в богатырском кармане, сам того не знает. Тяжело стало богатырскому коню, стал он на ноги припадать, колени сгибать. Рассердился Святогор:

– Что ты, травяной мешок, спотыкаешься?

– Как мне не устать, не спотыкаться? Возил я тебя да жену, а теперь двух богатырей вожу, у меня уже больше сил нет.

Удивился Святогор, сунул руку в карман, а там и правда богатырь с конём шевелятся.

Вытащил Святогор Илью Муромца из кармана, стал его спрашивать:

– Ты откуда, молодец, какого роду-племени?

Рассказал ему всё Илья, понравился он Святогору. Вот Святогор и говорит Илье:

– Поезди со мной по Святым горам, научу я тебя ухваткам богатырским, научу, как мечом владеть, как копьём колоть, как палицей бить.

Вот и поехали они вместе.

Илья богатыря старшим братом зовёт, во всём его слушает. Святогор Илье всё показывает, за всем доглядывает, обучает его всяким хитростям.

На одном войлочке братья спали, один хлеб ели, из одного ковша пили.

Вот раз заехали они на крутой утёс и увидели чудо чудное, диво дивное. Стоит на утёсе дубовый гроб, золотом покрыт, жемчугом унизан, рядом крышка лежит, а на крышке гроба серебром написано: «На кого состроен этот гроб, тому и понадобится».

– Давай, – говорит Святогор, – померяем, не для нас ли этот гроб стоит. Полезай-ка ты, Илья, вперёд.

Лёг Илья в гроб, а он широк, и долог, и высок для него.

– Ну, – говорит Святогор, – видно, мне в него ложиться.

Лёг Святогор, а гроб впору для него.

– Ну-ка, Илья, закрой крышкой меня.

– Что ты, старший брат, нехорошую шутку затеял, заживо себя хоронить собрался. Не подниму я крышки, не закрою тебя!

Тогда Святогор сам приподнялся, взял крышку, закрыл ею гроб. Только крышка на гроб легла – сошлись края и срослись совсем.

Бьётся Святогор, не может крышку поднять. Закричал он тогда Илье:

– Помоги мне, братец меньшей, не могу я крышки поднять!

Ухватился Илья за крышку, да куда там! Срослись края с гробом, не сдвинуть крышку с места.

– Братец меньшей, берись за доски дубовые, отрывай от гроба по одной доске!

Бился-бился Илья, исцарапал руки, изодрал колени, не смог оторвать ни одной доски.

– Братец Илья Иванович, ты бери мой меч-кладенец, разруби крышку острым мечом!

– Не могу я, старший брат, твоего меча поднять!
– Наклонись ко мне, Илья, дуну я на тебя богатырским духом!

Дунул Святогор в маленькую щёлочку на Илью богатырским духом, и почувял тут Илья, что в нём силы вдвое прибавилось.

Схватил он меч Святогора, стал рубить по дубовой крышке.

От ударов богатырских гром по земле прокатился, искры посыпались, а куда ударит меч-кладенец, там железный обруч ставится.

Стонет Святогор:

– Наклонись ещё ко мне, Илья, я дохну на тебя, прибавлю тебе силы, а ты руби теперь крышку поперёк.

Наклонился Илья, дунул на него Святогор, у Ильи силы вчетверо прибавилось.

Стал он крышку поперёк рубить. От крышки ни щепочки не валится, а за каждым ударом по гробу железный обруч ставится.

Перестал Илья рубить.

Взмолился Святогор:

– Припади, Илья, к щёлочке, передам я тебе всю мою силу, – может, ты тогда справишься.

– Нет, не надо, старший брат, – отвечает ему Илья. – Довольно с меня и этой силы, а то меня земля носить перестанет.

– Хорошо ты сделал, Илья, что меня не послушался: мёртвым бы духом я на тебя дохнул, и сам бы ты мёртвым у гроба лёг. А теперь прощай, мой меньшой брат, возьми мой меч-кладенец, владей моей силой богатырской, а коня моего оставь хозяину, привяжи к гробу, никто с ним не сладит, кроме меня.

Замолчал Святогор, а Илья всё стоит и слушает. Опершись стоит о меч-кладенец, всё думает: не скажет ли ему старший брат ещё слово ласковое...

Трое суток простоял Илья, простился со Святогором-богатырём, привязал ко гробу коня, опоясался мечом-кладенцом, положил поклоны глубокие, смахнул слезу и поехал тихо по Святым горам.

